

ЖИВА РОССИЯ, ПОКА ЖИВ ХОТЬ ОДИН КАЗАК

Я до сих пор точно не знаю, как правильно называются те разведывательные органы, в которых служил мой отец в 1919 - 1960 годах Кучеренко Иван Иванович. Но я ему помогал, не зная, где он служил, надеясь, что сведения, которые я ему доставлял, дойдут до нашего командования. Чтобы понять, почему происходили описанные события, надо посмотреть на родословную моих родителей. Как показали исследования казанских историков: Булатова А.Б. и др. наш род Кучеренко происходит от Кучера — злейшего врага Чингиз-Хана, который, имея всего 16 лет от роду, а войск в полтора раза меньше, чем Чингиз-Хан, наголову разбил Чингиз-Хана, захватил обоз и семью Чингиз-Хана, убил его жену на его глазах, а потом помирился с побежденным Чингиз-Ханом и женился на его дочери. Кучер - не имя, а татаро-монгольский титул, один из самых высших. По-русски он означает «герой». От этого брака вышло несколько ветвей: наша, осевшая на Украине, ставшая потом казачьей (Кучер, Кучерявый, Кучеринский), казахская (Кучер-бековы), татарская (Кучер-баевы), башкирская (Кучер-хановы).

Среди осужденных по делу о восстании Черниговского полка в 1826 году проходил и ст. унтер-офицер Мирон Кучерявый (Кучеринский-тож).

По линии моей матери Роговой Анны Васильевны известен Баврин Влас Никитович, казачий атаман, получивший землю от царя Алексея Михайловича под Вязьмой: пустошь Бозню (Вазню). На дочери потомка Баврина женился атаман Кубанского казачьего войска Рогов. В честь этого атамана на Кубани названа казачья станица Роговская и поселок Роговской. В деле о восстании того же Черниговского полка упомянуты и Дмитрий Баврин и Филипп Рогов.

Об этом приходится так подробно говорить потому, что наши враги знали нашу родословную и использовали эти знания против нас. Повидимому, в родстве с Бавриными (а тем самым, и с Роговыми) состояли Баур Р.Х. и его племянник Баур Ф.В. Они тоже латышского происхождения. Но Баур Ф.В. служил в Прусской армии, был зам. начальника генштаба, создал прусскую военную разведку, из которой впоследствии вырос Абвер. Он был шведским бароном. Переселившись в Россию, Баур Ф.В. создал русский генштаб и русскую разведку генерального штаба. Матерью моей матери была Рогова Н.А. — дочь итальянского барона.

Казачьи наследственные черты проявились во мне очень рано в виде обычной для казачьей среды тяги к оружию. А вот стремление разоблачить всех шпионов — от отца матери Рогова В.Г., воспитавшего еще до революции целую плеяду внучатых племянников, ставших комендантом

Московского Кремля, его замполитом, начальником Главного разведуправления Генштаба и т.д.

Я вырос в военном городке во Ржеве, где располагался крупный военный завод. Шпионы лезли туда, как мухи на сахар. Мой отец был комендантом гарнизона, а в гарнизоне наш завод не единственный. Но были в гарнизоне бомбардировочная дивизия (бывшая Ржевская бригада), три стрелковых полка, два полка зенитной артиллерии, тяжелая артиллерийская бригада РКГ и др.

Мой отец отвечал за сохранность и заводов, и военной техники, и за сохранность военной тайны этих заводов. Путей проникновения шпионов на завод было два. Первый: преодолевать многорядовые проволочные заграждения, окружающие наш завод. Делать это было небезопасно хотя бы потому, что по настоянию отца на некоторых участках колючепроволочные заграждения охранялись не только часовыми, но и пулеметами, стреляющими без участия человека. Они стреляли, лишь только в поле инфракрасного (или ультрафиолетового) прицела попадало что-то живое (ворона, лошадь, собака, человек и т.д.).

Преодолевали шпионы заграждения по ночам. Почти весь периметр заграждений был освещен прожекторами. Лишь некоторые участки не освещались из-за сильно пересеченной местности. Казалось соблазнительным проникнуть именно на неосвещенные участки. А именно там стреляли без промаха пулеметы. На освещенных участках тоже было безнадежно. Шпионы пытались проникать в пургу, туман. Но, по-видимому, наши разведчики вовремя из-за рубежа сообщали о времени и месте преодоления заграждений. Как выглядят заграждения, за рубежом знали: самолеты-разведчики, нарушители воздушного пространства СССР, над нашим городом были не редкостью. Бывало, отец всю ночь дежурил, ожидая появления непрошеного гостя, высылал усиленные наряды патрулей, а шпиона все нет и нет. Светает. Отец приходит хоть часок поспать. Ложится не раздеваясь на диван, не снимая сапог, положив ноги на стул. Только успевал задремать, как вдруг выстрелы на одном из постов. Отец вскакивал с дивана и бегом бросался на пост, на котором стреляли.

Успевал только поднять бездыханное тело и извлечь из одежды шпиона удостоверение, отпечатанное на тряпочке. Был и второй путь: шпионы проникали, став сотрудниками завода. В их числе был такой матерый шпион и диверсант, как полковник Плетников. Он и его люди в сентябре 1920 года организовали в Вязме серию взрывов, уничтоживших базу снабжения Западного фронта. Это оставило наши войска, сражавшиеся под Варшавой, без боеприпасов и обмундирования. От взрывов погибло много местных жителей, а в огне пожаров, возникших от тех же взрывов, сгорело 2 госпиталя с ранеными и больными красноармейцами. Сделав свое грязное дело, Плетников, бывший до диверсии начальником этой базы, бежал к полякам, служил в их армии, получил польский орден. Потом он вернулся к нам и какими-то неведомыми путями под своей фамилией снова стал служить в Красной Армии. Да еще от Троцкого получил

золотые именные часы "за храбрость". Он стал начальником нашего завода. Его жена была дочерью известного промышленника Рябушинского. В нашем городе были предприятия, принадлежавшие до революции ее отцу. Диверсии на заводе случались постоянно, но, правда, мелкие. Так, вроде репетиций будущей крупной, вроде вяземской 1920 года.

Когда мне было 4 года, начальник завода Плетников, его жена и еще несколько военных инженеров завода были арестованы, как шпионы. До ареста они себя вели крайне нагло и цинично, вовсе не скрывая своих связей со своими польскими хозяевами. Так, во время командировки в Москву они заказывали кабинет в ресторане "Астория" и приглашали туда польских военных атташе. Счет оплачивало, разумеется, польское посольство. Один такой счет, направленный польским атташе в свое посольство с резолюцией "оплатить", захватил на "память" мастер нашего завода Моисеев Александр Иванович, один из участников ужина, и передал моему отцу.

До ареста я знал Плетникова, а его жена Рябушинская меня даже любила. Она во время вечеров в нашем военном клубе подзывала меня к себе словами: "Иди ко мне, мой котик", брала к себе на колени и щипала за щеки. Здесь проявилось очень странное явление: в меня влюблялись шпионы, диверсанты, профессиональные убийцы, член Военной Коллегии Верховного суда, власовцы, зэсовцы. Любви к себе со стороны обычных граждан я что-то не обнаруживал.

Чтобы понять, какая бывает любовь, мне помог случай, который произошел со мной в августе 1962 года. Со студентами Казанского университета я как старший выехал на уборку гороха в район. Студенты работали серпами, я, аспирант, косой. Оказалось, что эта уборка — дело далеко не безопасное.

Край поля кишел гадюками. Я стал их убивать. Убил уже 3 штуки, да еще один студент убил двух. Я напал на четвертую, распорол ей живот косой. К ней подошел работавший с нами местный учитель. Она, волоча клубок вываливавшихся кишок, пыталась напасть на него. Я подошел ближе, чтобы добить ее. Но тут произошло что-то такое настолько невероятное, что я 30 лет думал об этом, пытаюсь понять, что же это такое. Вместо того, чтобы и на меня напасть, она вдруг закрыла рот и перестала показывать свои крючковатые ядовитые зубы и шипеть. Всем своим видом и телодвижениями она стала показывать, как же ей невыносимо больно. Но голову свою она отворачивала от меня, показывая, что она не хочет укусить меня даже случайно, в конвульсиях или агонии. Рука не поднялась добить гадюку. Случай с гадюкой под Казанью объясняется тем, что некоторые змеи иногда испытывают к определенным людям такую симпатию, что тянутся к своим симпатиям, ласкают их. И что самое интересное, защищают их, даже погибая сами. Говорят, что у персидского шаха телохранителями были ядовитые змеи, которые ему были симпатичны. Бывали случаи, что змеи погибали от тоски по любимому человеку, отказывались даже от приема пищи.

Ночные стрельбы по шпионам, арест Плетниковых и их людей сильно повлияли на меня. Иногда по ночам не спалось — ждал очередной стрельбы. Но я еще слабо знал, чем интересуются в нашем военном городке шпионы.

Иногда по ночам боялся проходить мимо сараев: так и казалось, что там засел шпион, совсем как в кино "Граница на замке". В кино дети охотились на шпионов. Но я еще не умел охотиться на шпионов. Но настал день, когда и я сказал на человека: "Это шпион". Сказал своему отцу. Сказал потому, что отец у меня военный, а военные, как я думал, должны охотиться за шпионами. Это было летом 1934 года. Мы переехали на новую квартиру на улицу Революции, дом 8. В доме напротив жила семья Васильевых. Вот на хозяина дома, отца моего ровесника Володи и Нины четырех лет, я и сказал: "Шпион!". Отец спросил меня, почему я так думаю. Я ответил, что Вовкин папа, как и Плетников, при царе был офицером и носил погоны с 4-мя звездами. У Васильевых дома висит фотокарточка, на которой Вовкин папа в царской форме. Отец объяснил мне, что Вовкин папа это не скрывает. Да и скрывать ему нечего: не все бывшие офицеры шпионы. Большинство их честные. Через несколько дней я у Володи выменял какой-то серебряный знак, похожий на звезду ордена Анны I степени, знакомого мне по учебнику истории Иловайского. Я подумал, если царь наградил Вовинога папу орденом, то Вовин папа так предан царю, что не шпионить не может. Но отец приказал мне вернуть Вове звезду. Но папа установил по этому знаку на головной убор, что Васильев служил в Лейб-гвардии Литовском полку.

В 1936 году мы с Вовой поступили в 1 класс 1 ж/д школы. Перед этим у него умерла мама. И снова я пошел к папе с сообщением, что Вовин папа шпион. Обосновывал я это тем, что, по словам соседок, не прошло сорока дней, а он женился на молодой. Папа мне ответил, что не каждый, женившийся на молодой, — шпион. Это шпионажем не является. Сроки же он не выдержал потому, что у него двое маленьких детей, а им нужна мама. Васильев все время в командировках, а детей оставить не с кем. На это я ему возразил: "Вова сказал, что его папа нарочно выбрал деревенскую и малограмотную жену, чтобы она ничего не понимала в его делах. Грамотную жену ему держать опасно. А еще он выбрал жену верующую, чтобы она в партию не могла вступить". Папа сказал: "Веровать у нас разрешается. В тюрьму сажать нельзя за то, что человек верующий и подбирает себе такую же жену".

Но в 1935 году найти шпиона пришлось и мне. Рос я в годы голодные: 1931 - 1934 гг. Но ел я на удивление мало. Да и еда наша зимой состояла из супа, мороженой картошки и копченой воблы. Хлеб черный. На второе — мороженая картошка с соленым огурцом. И лишь когда папа додумался поставить во главе подсобного хозяйства бывшего его хозяина изпмана Пояркова, нас стали снабжать со своего огорода овощами, а с фермы молоком и мясом.

Даже в самые голодные годы 1 мая и 7 ноября нас, детей военных и

рабочих завода, приглашали в военный клуб на утренники. Мы слушали выступления военного духового оркестра. Сами пели песни: "Мы кузнецы", "Кудрявая". От этих песен меня тошнило. После художественной части нас угощали: пирожок с мясом, с повидлом, пирожное и стакан какао. Давали и подарок: шоколадку, 2 - 3 шоколадных конфеты, 3 - 4 не шоколадных, 2 мандарина, 3 яблока, печенье. Но какие угощенья и конфеты могли конкурировать с расположенной рядом казармой: в ней же пулеметы: "максимы", "люйсы", "кольты", "гочкисы", "шварцлезе"! Здесь и проявилось во всей красе мое казачье происхождение. Соскучившись с прошлого праздника по пулеметам, я сбегал с концерта в казарму и обнимал с нежностью пулеметы, ласково их называл: "мои максимочки", "мои дегтяривочки"! Это, как я узнал из книги А. Первенцева "Кочубей", обычное проявление казаками своих эмоций при виде орудий, пулеметов. Но объятия с пулеметами обходились дорого: я пачкал костюмы оружейной смазкой.

И на майский праздник 1935 года папа не выдержал: он попросил маму взять меня, дошкольника, в школу, где она работала учительницей, на праздник. До этого мама через отца достала с завода (отец был председателем завкома) продукты для угощения школьников: каждому по сладкой булочке и по стакану сладкого фруктового чая. В школу вместе с мамой и со мной шел старшина из папиной части и нес 7 немецких стальных каски и 2 нагана. Зачем он нес это, я узнал уже в школе. Мама, парторг школы, командир запаса, увела старшеклассников на демонстрацию, младших и нас с сыном директора Колесникова Игорьком директор оставил на утреннике. Мы сидели в актовом зале и смотрели пьесу из времен германской революции 1918 года. На сцене мальчишки 4-го класса в немецких касках, шинелях с деревянными винтовками в руках. Школьники на деревянное оружие внимание не обратили, но я надругательства над исторической правдой не выдержал и сказал Игорьку: "Если бы твой папа хорошо бы попросил моего папу, то мой папа дал бы не только муки и сахара на булочки, не только наганы и каски, но и немецкие винтовки". А Игорек мне в ответ: "А моему папе незачем просить у твоего папы! У моего папы их больше, чем у твоего!" Он схватил меня за руку и поволок на квартиру директора. Она располагалась при школе, состояла из 3-х комнат, кухни и ванной. Директор Колесников мне очень нравился: с бородкой и усиками как у Николая II, во френче и галифе, ботинках с крагами и веной фуражке.

Португепя с наганом в кобуре. Я любовался его прекрасной военной выправкой. А как решительно по-военному он разговаривал с телефонами: "Город, чертова кукла, город!" Игорек привел меня в домашний кабинет директора и попросил меня помочь открыть шкаф. Я хотел открыть дверку, но Игорек показал, как открыть тайник, повернув сам шкаф вокруг оси. Открылась ниша, а в ней целая стойка с оружием: 5 русских винтовок, 2 немецких, 2 нагана, ящики с патронами и гранатами. Я выбрал немецкую винтовку Маузера, а Игорек русскую. Понесли их в зал. Попытки передать оружие за кулисы не удалось: нас не пустили дежурные: "До

перерыва нельзя!" Мы решили передать их через зал. Для этого мы вошли в зал, встали перед сценой на одно колесо и щелкнули затворами. В зале засмеялись. Но не засмеялся директор. Он подошел к Игорьку и дал ему подзатыльника, а потом и мне: "Положите, где взяли!" — приказал он. Я взглянул в глаза директору. В них была лютая ненависть. Сразу вспомнил, что за шкафом на ящиках с боеприпасами лежали какие-то журналы. Я очень удивился, зачем с оружием хранятся книги. Игорек ответил: "Это не книги, а журнал "Историк-марксист" со статьями Троцкого, Каменева, Зиновьева, Рыкова. За них срок больше дадут, чем за винтовки!". Я понял, что Колесникову за наше внесение оружия в зал грозит беда. "Он может расправиться с нами" — подумал я. О том, что за всем наблюдает старшина из папиной части и учителя, и нас в обиду не дадут, я не подумал. Я решил спасти нас с Игорьком: мне живо представилась сцена, как Колесников у себя на квартире душит нас. Надо задержать его в зале, натравив на него ребят. Я вскочил с колен, поставил "Маузер" к ноге и заорал на весь зал, показывая свободной рукой на сцену: "Не затем наши отцы делали революцию, чтобы советская директорская сволочь избивала нас, советских детей! Ты не наш директор! Ты буржуйский директор!" Самообладание не изменило Колесникову. От не ответил на мое обвинение и снова потребовал положить оружие на место. Мысль бросить оружие к его ногам не могла прийти мне в голову: я так любил оружие, что бросить его не мог! Мы схватили винтовки за стволы и поволкли их домой к Колесникову. Мы поставили их в нишу, но шкаф не закрыли: мы спешили выскочить из квартиры, чтобы не встречаться с Колесниковым у него дома. Вечером папа увидел у меня на одежде пятна оружейной смазки и спросил: "Опять был в военном клубе?" Но мы с мамой в один голос сказали, что я был в школе. "А откуда оружейная смазка?" — спросил папа. "От винтовки "Маузер" из квартиры Колесникова. В ней 2 "Маузера", 5 русских винтовок, 2 нагана, боеприпасы к ним, ящики с гранатами.

Колесникова арестовали на следующий день. 5 учителей написали заявление в НКВД. Колесников, заврайоно Воробьева и еще 5 человек были осуждены и расстреляны, как немецкие шпионы. Никакого впечатления на меня это не произвело. Жаль было только Игорька, у которого не стало такого почти блестяще военного папы!

И только лишь через полтора года до меня, наконец, дошло, что же случилось на самом деле. Был ноябрь месяц. Шел мокрый снег. Я шел в школу. У стены школы стоял ученик и смотрел в лужу. В глазах ужас. Я взглянул в лужу. В ней валялся лист из журнала. На нем фотография и подпись под ней: "республиканский солдат с выколотыми глазами". В это время шла война с мятежниками-фашистами в Испании.

Вечером я рассказал папе о снимке и сказал: "Вот какие фашисты: убили человека, да еще выкололи глаза!" Но папа ответил: "Нет. Сначала выкололи глаза, а потом убили". Я даже вздрогнул. И тут мне все стало ясно: немецкие агенты среди нас, фронт проходит и через наш город. Ведь лужа со страницей из журнала была как раз под окном квартиры

Колесникова, прямо под его кабинетом. А там немецкие штыки в ножнах. Таким, наверно, штыком и выкололи глаза фашисты! И я решил воевать с фашизмом, чтобы выбить из их рук оружие и штыки для выкалывания глаз.

Как-то вечером летом 1938 года я пришел к Вове заниматься с ним русским языком. Учился Вова с ленцой и переходил из класса в класс только с моей помощью. Его папа это знал и любил меня. После занятий я рассказывал Вове об обороне Порт-Артура, а Вова проявил невежество в этом вопросе, начал мне возражать, но очень нелепо. Папа выслал Вову гулять. Со мной он начал разговор о том, какая могучая была царская армия, какая могучая была ее военная техника. Но поражения она несла потому, что неспособный править Николай II окружил себя предателями и изменниками. Окружавшая его камарилья (я представил себе, что как комары вьются вокруг трона кровопийцы-министры и генералы) довела русскую гвардию до гибели в Восточной Пруссии. И он, молодой гвардейский офицер, попал в немецкий плен и решил отомстить царю и камарилье за поражение. И для этого он пошел служить к немцам, стал немецким разведчиком. Я уже 4 года следил за Васильевым, но это признание так ошеломило меня, что я сказал, что ему не верю. Он достал из нижнего ящика письменного стола фотографию и протянул ее мне. "Ой, негры!" — вскрикнул я. "Это не негры! — перебил он меня. — Это лейтенанты бельгийской колониальной армии!" — сказал он, указывая на трех темнокожих молодых людей в форме с погонами. "А это офицеры бельгийской, французской, сербской, английской, русской армий!" — говорил он, указывая на других людей в военной форме с погонами. Он каждого офицера называл по фамилии, указывал его звание. Назвал и фамилии трех немецких подполковников, сидевших в центре группы. Пояснил, что один из них начальник курса, другой начальник цикла минно-подрывного дела, а третий — начальник цикла шифровального дела. "Здесь сфотографированы выпускники немецкой разведывательной школы. По приказу кайзера выпускники немецких учебных военных заведений должны фотографироваться при выпуске целой группой вместе с офицерами. Здесь сфотографировались все 25 наших выпускников. Все они офицеры. В день выпуска мы все получили и чины немецкой армии. Мы все офицеры разведки".

И все-таки я еще не верил, что Васильев шпион. Я мысленно искал опровержений, опровержений. И мне показалось, что я нашел какое опровержение: вдруг это не выпускники школы, а простые военнопленные: ведь обучающихся в шпионской школе немцы одели бы в немецкую форму, а здесь каждый в своей. Я все это сказал Вовину папе. "Это потому, что после школы каждый из нас должен был вернуться в свою армию. Если они будут носить немецкую форму, то отвыкнут от своей, будут выполнять команды в строю по немецким уставам. А это сразу заметят их сослуживцы и их разоблачат. Ну, например, я по привычке отдам честь, как это принято в немецкой армии. И все спросят, почему я это делаю по-немецки? А я еще и во фронт стану по немецкому уставу. И всем станет ясно, что я служил в германской армии".

Васильев указал на то, что он и теперь служит Германии, хотя нет ни кайзера, ни царя. Он не спрашивал меня, что я думаю по поводу сказанного. Он просто положил фотографию на место, собрал вещи и уехал в командировку на 3 дня.

Я затеял с Вовой и Ниной игру в прятки, спрятавшись в той именно комнате, где хранилась фотография. Я вытащил из тайника ключ, из стола фотографию и спрятал у себя под рубашкой. Ключ положил на место.

Дома я отцу опять сказал, что Вовин папа шпион. Папа снова попросил доказательств. Я отдал ему фотографию и рассказал папе, где учился Вовин папа и с кем. В это время по истории по учебнику Панкратовой мы изучали, что сами славяне ни на что не способны. Князей Рюрика, Синеуса и то нам дали немцы. И революционеров: Пестеля, Кюхельбекера, Баумана и др., и ученых: Якоби Б.С., Шмидта Э.Ю. и др. И многие соратники Петра I были иностранцы: Брюс, Лефорт, Гордон, поэтому иностранные имена для меня звучали слаще любой музыки. Я их с наслаждением запоминал, частенько произносил вслух. Поэтому я запомнил почти все иностранные имена офицеров с фотографии. Не запомнил только кое-какие русские фамилии. Русские имена я запоминал плохо: например, хотя я был знаком с Вовиным папой уже 4 года, но не запомнил его имени и отчества.

Мой папа с моих слов русскими буквами записал фамилии офицеров с фотографии и названия армий, в которых они служили. Папа на велосипеде уехал с фотографией в штаб. Вернулся через 15 минут. Попросил положить фотографию на место. Насмотревшись кино про шпионов, я представлял себе, что события пойдут по другому сценарию: папа отвозит фотографию чекистам, а они арестовывают Васильева, предъявляют ему снимок, и он во всем сознается. Просьба папы вернуть фотографию Васильеву удивила. Но потом я подумал, что при аресте Васильева фотографию при обыске найдут, и он не сможет сказать, что ее изготовили сами чекисты. Отнес я фотографию на место. Для этого пришлось поднять ребят с постелей. И снова играть в прятки.

Приехал Вовин папа из командировки. Проходит день, проходит другой, а Вовин папа гуляет на свободе. У меня хватило такта не спросить отца, почему Вовин папа при встрече с моим папой любезно с ним раскланивается, а мой папа по-прежнему приветливо с ним здоровается, как будто ничего не произошло. Может, и мой папа, как и отец Павлика Морозова, тоже враг? Может, куда-то надо сообщить, как и Павлику? И снится мне страшный сон: как будто я беру отцовский маленький пистолет Корвина и начинаю стрелять в отца. А он, папа, увертывается от пуль да так, что я всю обойму расстрелял, а ни разу не попал. Но через несколько дней случилось то, что заставило меня поверить, что мой отец не такой, как у Павлика. Я со 2-го класса прочитывал все газеты, которые выписывал мой отец. И вот летом 1938 года я прочитал в «Правде», что немецкие офицеры запаса оказались не у дел: гитлеровский флот гораздо меньше кайзеровского. На кораблях большинству из них нет места. Поэтому ко-

мандование призвало их на службу в разведку. Они разъехались по многим иностранным портовым городам. Когда начнется война, они, открывшие в них немецкие сосисочные, пивные, будут наводить по радио немецкие подводные лодки на вражеские корабли. И надо же такому случиться, что в этот же день мы с папой поехали на велосипедах в город и заехали в пивную. Нас обслужил седой кельнер остриженный под бобрлик с кайзеровскими усами. По-русски он говорил с акцентом. Когда он взял заказ и ушел на кухню, я спросил папу: "Почему кельнер плохо говорит по-русски"? "Потому, что он немец", — сказал папа. "А какой он немец"? — спросил я. "Не знаю", — ответил папа. Я успел заметить, что у кельнера морская походка. Когда мы поехали домой, я спросил папу: "Немцы бывают германские, судетские, швейцарские, австрийские, поволжские. Так какой же этот немец"? Папа опять сказал, что не знает. Я сказал, что кельнер — моряк: у него морская походка. Он германский немец: у него кайзеровские усы. Я пересказал папе содержание статьи из Правды о немецких моряках-шпионах. Дома я показал папе газету. Он прочитал статью. Я сказал, что кельнер — немецкий шпион, капитан 2 ранга. Прошло несколько дней, папа приехал с работы (свою службу он как все рабочие завода называл работой) в неурочное время — 11 часов. Он позвал меня ехать с ним в город, в пивную. Видимо, была какая-то серьезная причина, по которой мой отец сделал крюк и заехал за мной. Приехали в город. В пивной нас обслуживала девушка в кружевной наkolке. Я спросил папу: "А где кельнер"? "Его больше нет", — ответил папа. Когда мы ехали домой, папа сказал: "Его больше нет. Нет и еще шестерых человек. Я еду прямо с расстрела. Он капитан 1 ранга, а не 2, как ты говорил. Он резидент германской разведки".

После этого случая я еще больше уверовал в учебник истории СССР Панкратовой: русские ничего важного делать не умеют: ни управлять страной, ни изобретать. Могут только махать штыком. А их спасти должны не русские. И тут меня осенило: у папы бабушка-гречанка, а моей мамы родители — русские. (Что ее мама итальянская баронесса, мама мне сказала только за полгода до своей смерти. Отсюда у меня такое имя). А чтобы успешно разоблачать шпионов, мне надо вырасти в родно папы, а не мамы. А для этого надо делать с самим собой то, что делал Мичурин со своими гибридами: воспитывать себя греком: ежедневная зарядка, водные процедуры, изучение греческих мифов, истории Греции. Иначе спасти СССР будет некому. Конечно, когда наступит во всем мире коммунизм и не будет больше войн, спасти русских больше будет не нужно. Но изобретать для них все равно придется не русским.

И в этих заблуждениях меня убедили 3 случая.

Начальником НКВД в нашем городе был Дроздов. А его жена была родной сестрой жены Колесникова. Семьи праздники праздновали вместе, и Дроздов не знал о складе оружия на квартире родственника. А все потому, думал я, что Дроздов — русский. Летом 1938 года над нашим городом летал иностранный самолет-шпион. Оба зенитных артполка молчали:

стрелять из 76 мм орудия по летящему брьющим полетом самолету над городом они не смогли. Но молчали и полтора десятка зенитных пулеметов, для которых на всех высоких зданиях нашего военного городка были сооружены деревянные вышки. Была на крыше нашего дома такая вышка на два пулемета. Учения ПВО были частыми. И с нашей крыши тоже пулеметы вели огонь по самолетам холостыми патронами, или по мишеням, которые они буксируют боевыми. Учения были настоящей "показухой". О внезапной воздушной тревоге знали заранее. Поэтому на нашу вышку заранее приносили воду для охлаждения пулеметов с патронами, проводили линию полевого телефона. А по сигналу воздушной тревоги бойцы приносили только два "максима". В этот раз по сигналу воздушной тревоги принесли только один "максим", да и то без воды. А без воды из него стрелять нельзя. Дома был я один. Пришлось мне самому носить воду на вышку. Оказалось, что наш пулемет был единственным стреляющим во всем военном городке. И даже он, "максим", и то стрелять не смог бы, если не моя вода. Меня за эту воду наградили ценным подарком: матросским костюмом с длинными брюками. И третий случай: в октябре 1939 года в Москву летел самолет с Риббентропом на борту. Из-за русской расхлябанности была дана команда сбить самолет. А Риббентроп был министром Иностранных дел дружественной нам Германии. И визит был заранее разрешен. Над г. Калининым зенитчиками самолет был сбит. Дежурным по штабу Калининского военного округа был мой отец. Командиром же зенитного полка был мариупольский грек майор Быкоянко. И только 30 лет спустя я от брата-чекиста узнал, что в нашем городе я сильно мешал чекистам работать. Папа жаловался после войны брату: "Мы годами следим за объектом (так называют подозреваемого в шпионаже), собираем материал, выявляем связи, а Эльвир из-под носа у нас добывает сведения. И приходится арестовывать шпиона, не закончив наблюдения. А немцы засылают нового резидента, либо заставляют работать давно заспанного, но сберегаемого на случай провала действующего. И если мы раньше знали резидента и его агентуру, то теперь приходится все начинать сначала, искать нового резидента и выявлять его агентуру". Оказывается, не "зевал" Дроздов, знал, кем был его родственник и вел нужную работу. Но вынос нами винтовск в школьный зал заставил произвести арест Колесникова немедленно.

В это время в стране шла усиленная работа по обработке населения: по радио, в газетах и журналах сообщалось о шпионах и диверсантах, об их работе и их разоблачениях. Об этом на уроках нам рассказывала и читала наша учительница Е.А. Семенова. Читала о детях, разоблачавших шпионов. На уроках истории она нам приказала заклеить портреты маршалов Блюхера и Егорова, врагов народа. Это меня заставляло еще больше сил прикладывать к поиску шпионов. Из своего опыта я сделал вывод, что шпионов надо искать среди бывших царских и кайзеровских офицеров. Именно на них я в первую голову и обращал внимание.

В начале войны я был с мамой, братьями и бабушкой эвакуирован в

Сергач Горьковской области. В апреле 1943 года к нам домой пришел наш бывший сосед по Ржеву (он был соседом и Васильева). Он был чекистом и оставался во время оккупации вместе с дочерью Августой во Ржеве. Как только он переступил порог нашего дома, так объявил: "А наш сосед шпион Васильев был арестован 1 октября 1941 года". Павлов рассказал, что за Васильевым чекисты следили еще до войны. Особенно наблюдение усилилось, когда под майские праздники 1941 года Васильев получил письмо от своей сестры, проживавшей в Риге. Но до того, как его получил адресат, оно побывало в руках чекистов. Они прочитали зашифрованную инструкцию. В ней давались указания Васильеву и его людям в связи с предстоящим началом военных действий армии третьего рейха против большевистской России. Ему приказывалось, в частности, при налетах фашистской авиации указывать ей цели наборами цветных ракет. Чекисты не мешали пересылке двух чемоданов ракет с ракетницами Васильеву. Но за ним был установлен жесткий контроль: под наблюдение брался всякий, кто общался с Васильевым. Поэтому, когда начались налеты немецкой авиации на Ржев, достаточно было агенту пустить одну единственную ракету, как его немедленно арестовывали. Васильев остался без агентыры. 1 октября он сам пустил ракету. Больше ему чекисты пустить не дали. Павлов рассказал, что Васильева судили и 3 октября расстреляли. Может быть, так надо было говорить во время войны. Но я в 1976 году съездил во Ржев. Зашел домой к соседу Павлова, к коммунисту с 1918 года Белинову М.В. Он мне рассказал, что после войны Васильев вернулся во Ржев, ему вернули его дом, и он работал на прежней работе (разумеется, на железной дороге, а не в немецкой разведке).

Еще до войны я спросил папу, что делают с арестованными нами шпионами? Он ответил, что иногда их выменивают их хозяева на наших разоблаченных разведчиков. Например, в начале 20-х годов был разоблачен и арестован польский шпион ксендз. Его договорились обменять на нашего разведчика, бывшего начальника войск химзащиты польской армии. При обмене на границе поляки убили нашего разведчика. В ответ на это наши убили ксендза и два батальона поляков. Чаще шпионов держат в заключении, даже если объявляют, что он расстрелян. Я спросил: "А зачем он нужен, такой шпион"? Папа сказал: "Эти шпионы помогают разоблачать других шпионов. Они опознают на очных ставках. Шпионов узнают по фотографиям подозреваемых". Наученный горьким опытом, что полностью доверять нельзя (он по соображениям безопасности не имел права говорить о многом. Например, зимой 1944 - 45 годов он познакомил меня с бывшим главкомом сухопутных войск королевской Югославии генерал-полковником Симановичем и начальником артиллерии — генерал-лейтенантом. Мне же он сказал, что это полковник и подполковник). Правду я узнал только в 1997 году, я не поверил на этот раз, видимо, папа был прав. Директор средней школы в Потье, где расположен лагерь для особо важных политических заключенных, проводил для заключенных политические информации. Среди заключенных в 1970 году был полковник,

бывший начальником контрразведки у Колчака, о котором еще во время гражданской войны было объявлено, что он расстрелян. Сидел там и знаменитый международный шпион, который шпионил еще в Порт-Артуре. Ему было уже 95 лет — нетрудно вычислить, что это был небезызвестный Рейли, о котором в 1925 году было объявлено, что он был убит на финской границе. Условия для заключенных были хорошие: даже зимой по 2 апельсина и по 2 яблока в день. Рейли очень активно работал. Ему приносили газеты на 5 языках. Он давал обзоры экономической, политической жизни ведущих западных стран. Как видим, и из заключенных создали такую же "шарашку", как и из ведущих авиаинженеров в 30-х годах!

Видимо, и Васильев не был исключением из других шпионов: ему тоже сохранили жизнь после объявления о его расстреле.

Когда я учился в 2 - 4 классах, я много читал. Одни книги читал потому, что они были мне интересны, а другие потому, что знал, что буду их изучать в старших классах. Во 2-м классе я прочитал "На земле, в небесах и на море" (Рассказы о мировой войне), Шарля Де-Костера "Тиль Уленшпигель", Ф. Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль". Прочитал с удовольствием. После 3-го класса прочитал Н. Островского "Как закалялась сталь". Читал быстро: одолел ее за 5 часов. При этом запомнил почти весь текст. То, что я хорошо запоминал, со временем сгодилось: то, что я еще не понимал тогда, со временем, пользуясь знаниями из старших классов, продумывая закомненный текст, я понимал и усваивал полностью. Например, в 3-ем классе я запомнил химическую формулу иприта: дихродизтил сульфит. Запомнил формулы и других ОВ.

Понять же, что они означают, я смог только в старших классах. Вообще я с детства к химии был равнодушен. Когда мне было 3 года, по стране прокатилась волна подготовки населения к химзащите. Отец принес и мне противогаз. Пользоваться им я научился быстро: все, что имело отношение к военному делу, у меня, потомка казаков, вызывало священный трепет. Не был исключением и противогаз. Мне показалось мало просто надевать противогаз. Мне захотелось испытать его в действии. И я испытал. Я сложил в деревянное корыто полугодовой запас лука, надел шлем-маску, изрубил лук, напевая песню, которой нас учили: когда буржуи пустят газ, надену я противогаз. За этим занятием и застал меня отец. В 3-м классе прочитал я и "Цусиму" Новикова-Прибоя. Читал я ее не несколько часов, а несколько дней. Растянуть удовольствие пришлось потому, что я хотел запомнить названия всех наших боевых кораблей, их вооружение, скорость, даже имена командиров. Хотелось запомнить и названия японских кораблей. Вообще-то с "Цусимой" я был знаком еще в 7 лет. Папа заметил, что я интересуюсь морским делом и прочитал ее мне вслух. Потом мне купили морской костюм и бескозырку. А мама познакомила меня с участником цусимского боя, который преподавал вместе с мамой в техникуме. Интерес к флоту надводному вызвали мои родители. Переход же к подводному флоту сделал я сам. Сначала прочитал Ж. Верна "20000 лье под водой", а потом Хасхагена "На подводной лодке вокруг Англии". Это

описание действий германского подводного флота против Англии во время мировой войны. Я запомнил многие имена командиров германских подводных лодок (они так восхитительно "по-иностранному" звучали!), запомнил их успехи, причины и места их гибели: ведь из 365 немецких подлодок мировой войны были потоплены 353. Позднее я не раз вспоминал слова академика, адмирала А. И. Берга (кстати, тоже подводника): "Лишних знаний нет". Мне они пригодились, да еще как! Из книг, которые мне не нравились, я прочитал А. С. Пушкина "Руслан и Людмила". Начал читать в 1-м классе, а окончил в 4-м.

В 4-м классе на одном дыхании одолел А. Гайдара "Школа", "Тимур и его команда". Даже самому захотелось стать тимуровцем. Прочитал "Швейка" Я. Гашека, "Удар и защиту" — книгу по истории военной техники. В нашей военной окружной библиотеке прочитал все книги о шпионаже: Амлета Веспа "Тайный агент Японии" и др. Прочитал ряд книг по минно-подрывному делу, по стрелковому делу, разведке и фортификации. И опять захотелось применить полученные знания на деле. В нашем огороде выкопал траншеи, соорудил настоящий дзот и многоярусные проволочные заграждения. Когда мне было три года, мама купила мне игрушкуржье. Она же научила меня приемам стрельбы и стрельбе в цель палочкой. В четвертом классе первый раз пострелял из пневматического ружья и малокалиберной винтовки.

В июне 1939 года наша семья переехала в Калинин, куда в штаб Калининского военного округа был назначен мой папа. Он уже давно обнаружил у меня экстрасенсорные способности. Он регулярно меня упражнял в развитии их. Например, зажмет в кулаке какой-либо мелкий предмет и спрашивает, что у него в кулаке. Я иногда угадывал. В декабре 1939 года он принес два граната. Один из них он зажал между ладонями и спросил, что у него в руках. Я разу сказал: "Гранат", хотя еще ни разу в жизни граната не видел, а только читал у Мамеда Кули-заде: "Ты бела, как снег, лежащий на горе. Груды, как гранат, созревший на заре". Летом 1940 года в калининском окружном доме Красной Армии открылась выставка о прорыве линии Маннергейма. Я много-много дней провел на выставке, слушал рассказы офицеров-экскурсоводов. Особенно меня заинтересовала организация перекрестного огня нескольких дотов. Осматривал муляжи "Доты Хотинена", карты и схемы.

В мае 1940 года я увидел сон, что я попал в фойе деревянного кинотеатра и увидел на стене рекламный плакат кинофильма. Во дворе китайской фанзы китайские солдаты заняли оборону. Одни из них пробили дыры в глинобитной ограде, окружающей фанзу, и стреляют с колена. Другие забили колья в стену и положили на них доски. Они стреляют через гребень ограды. И вдруг началась стрельба, засвистели пули вокруг меня. Спасаясь от пуль, я бросился в зрительный зал. Но попал в тоннель метро, по которому бежали люди, спасаясь от заливавшей тоннель воды. Я побежал со всеми к выходу на следующую станцию. Утром рассказал родным про сон.

Папа сразу понял, какое метро это затапливалось: люди в нем были одеты не по-нашему. Сон сбывся в Берлине в апреле 1945 года. И папа решил поставить надо мной еще один опыт. Сначала он подарил мне коробку цветных карандашей "Тактика" для работы на географических картах и лупу. Смысл подарков я понял позднее, когда он принес карту Белоруссии выпуска 1940 года со вновь присоединенными землями. Размер ее 3х3 м. Я постелил карту на пол и начал игру: немцы атакуют наши войска, находившиеся в Белостокском выступе. Я с лупой облазил всю карту и выяснил грузоподъемность мостов на шоссе и глубину бродов. Дальше перешедшие границу немцы, по моей задумке, уничтожают наши окруженные войска и наносят удар по Минску. Игра велась мною три дня. На заключительном этапе игры мне помогали мои ровесники, жившие со мной в одном доме: Пестовский Лева и Бабенко Славик. Мы карту обрабатывали карандашами из моих коробок. Узнали количество танков, пехоты, орудий, нужных для проведения этой операции. После нашей игры карту папа отнес на службу... В июле 1941 года я был очень удивлен, когда узнал, что запланированное нами год назад танковое сражение произошло. Причем количество танков мы угадали с точностью до 3-4 единиц. Немцы действительно победили и окружили наши войска в Белостокском "выступе" границы.

В сентябре 1940 года мы переехали в Ригу, где мой папа служил в отделе кадров штаба Прибалтийского особого военного округа. В один из первых выходных дней мы с папой и братом Вилетарием 8 лет пошли в город. На Елизаветинской улице мы зашли в пневматический тир. Там я из 49 возможных выбил 47. Хозяин тира объявил, что мне положены призы. Но папа их взять не разрешил. Но не помешал репортерам нас сфотографировать. Но через день призы прислали в штаб округа вместе с газетой, где была наша с отцом фотография в тире. По этой фотографии папу опознали и вручили приз. При этом член военного совета сделал моему отцу внушение: он работал в органах. По фотографии меня позднее опознали немецкие разведчики и узнали, чей я сын.

В эти же дни я на бульваре Ковпака увидел знакомый деревянный кинотеатр, хотя на бульваре Ковпака до этого я еще не был. Когда я вошел в фойе, то увидел знакомый рекламный плакат с китайскими солдатами во дворе фанзы. Мне сказали, что это реклама первой версии американского боевика "Дестри ищет приключений". Фильм в СССР никогда не шел.

В октябре 1940 года папа уехал в очередной отпуск, в котором он не был почти три года, до конца декабря.

23 октября мои одноклассники Иванов и Светлов пригласили меня в магазин, торгующий марками и монетами. Он был на улице Бривибас, 40. Хозяином был немец Эрнст Шнейдер, полный человек лет 55, седой, подстриженный под бобрик, с кайзеровскими усиками. Нас он встретил грубо. Но я купил у него три монеты.

Следующий раз я зашел в магазин 6 ноября днем. В Ригу входили войска для парада 7 ноября. По улице Бривибас нескончаемым потоком тя-

нулись колонны артиллерии на конной тяге. Где, по каким музеям ухитрилось наше командование собрать то невообразимое старье, что шло по улицам Риги!!! Прислуга ехала верхом да еще впереди каждой батареи кавалерист вез на пике бордовый флажок с золотыми скрещенными орудейными стволами.

Когда я вошел в магазин, хозяин, стоя у окна, считал батареи. На мое приветствие он не ответил, а потребовал не мешать ему работать. Я, желая его наказать за грубость, спросил его прямо: не мешать ему считать орудия? Он ответил, что считать надо не орудия, а батареи. Желая заставить его проявить себя, я начал скороговоркой перечислять тактико-технические данные орудий, провозимых мимо окон. В конце вдруг замолчал, как будто забывал. Шнейдер, тоже скороговоркой, продолжал перечисление. Вдруг он при очередном перечислении остановился и с удивлением взглянул на меня: он понял, что и не заметил сам, как разоблачил себя: он, видимо, не должен был раскрывать свою чрезмерную осведомленность. Едва он это понял, как заговорил со мной на "Вы", как со взрослым. Когда провозили мимо 45-мм противотанковые орудия, он сказал, что это единственное современное орудие, которое он видел сегодня. Он сказал, что и в германской армии есть такие же, только калибр у них 47 мм.

И вот мимо окон двинулись темно-зеленые тягачи со 120 мм длинноствольными орудиями на прицепе. Лафеты четырехколесные. У тягачей обе оси ведущие. Шнейдер весь преобразился при виде этих орудий: плечи его распрямились, голова произвольно откинулась назад, глаза заблестели. "Это есть Крупн! 22000 метров дальностью, 120 мм калибр. С такой артиллерия можно завоевать весь мир!" — последние слова он не сказал, а выкрикнул. "Да, можно, если вы будете нашими союзниками! Но если вы хоть пикнете против нас, мы вас раздавим!" — сказал я. Он примирительно сказал, что они, немцы, воевать с нами не собираются.

Об этом разговоре надо было бы рассказать папе, но его в Риге не было. Он был на курорте. Об этом я рассказал нашему соседу по коммунальной квартире подполковнику Бабенко Николаю Александровичу, отцу Славика, с которым мы на карте "срезали" белостокский выступ. Бабенко работал с моим папой в отделе кадров штаба округа и, как и папа, занимался контрразведывательной деятельностью. Он мой рассказ выслушал внимательно. Но сказал, что обвинять на основании одного разговора человека в шпионаже нельзя. Он может сказать, что наши орудия знает из справочников по Красной Армии, которые продаются во всех газетных киосках и некоторых табачных. Справочники изданы на плохой газетной бумаге и очень дешевы. В них были сведения, которые у нас считались секретными. Бабенко пообещал запретить их продажу в киосках. Но еще долго я видел на прилавках эти многотомные справочники.

9 ноября днем я снова зашел в магазин Шнейдера. Он меня не заметил, т.к. азартно торговался с немецкой фрау. Она уезжала "нах фатерлянд", где было плохо с продовольствием. Она, молодая, модно одетая, продавала награды своего отца за первую мировую войну. Она просила

драйсиг, он давал цванциг. Желая сбить цену, он обозвал награды "дрек" и ушел в подсобку. Вернулся с фотокарточкой в руке и протянул ее фрау. Меня он не видел по-прежнему. Я через плечо немки взглянул и ахнул. С фотографии на меня смотрел молодой Шнейдер. Адмиральская форма, палаш. И ордена, ордена, ордена... Я до этого ни у кого не видел столько орденов! Одни из них выше, другие ниже пояса... И на шее, и на широкой ленте, надетой через плечо. Один из них (с лентой через плечо) был орденом Прусского Черного орла I класса. Сорок лет спустя я узнал, что орденом Прусского Черного орла I класса награждено было всего тринадцать человек! При виде снимка я пришел в такой неописуемый восторг, как будто увидел самого ожившего фараона Рамзеса II. Я выхватил из рук фрау снимок и закричал: "О, герр Шнейдер! Вы были таким красивым в молодости! О, вы были героем! Но германский надводный флот всю войну бездействовал. Вы, чтобы получить столько орденов, должны были служить на подводной лодке. А подводная лодка должна быть одной из самых прославленных. Кто же Вы на самом деле? Может быть, Вы..." — и я стал называть одну за другой фамилии самых удачливых немецких подводников, о которых читал у Хасхагена. Но потом я перебивал сам себя, выкрикивая: "О, нет! Он погиб на минном поле! Значит, Вы..." — и я называл очередную фамилию из Хасхагена. Что произошло со мной дальше, я не помню. И сам случай я вспомнил через несколько дней, рассматривая монеты из моей коллекции. Я долго не мог вспомнить, откуда у меня появились новые монеты. Наконец, вспомнил. И рассказал о случае Бабенко. Он подумал и сказал: "Он официально числится немецким гражданином и не скрывает, что он моряк запаса. Поэтому его арестовать нельзя!"

Чтобы стало понятным дальнейшее, мне надо рассказать историю, случившуюся со мной в 1934 году, когда мне было четыре года.

Когда мы с папой ходили гулять, то мне приходилось держаться не за руку его, а за шнурок от пистолета. В начале июня 1934 года мы вдвоем с мамой ехали поездом к папе на родину. На станции Никитовка была пересадка. Мама ехала рожать. А все пригородные поезда, проходившие через Никитовку, были обвешаны людьми: здесь и шахтеры, едущие с работы, и рабочие заводов, и многочисленные голодающие, едущие в свой "Ташкент — город хлебный". Мы уже пропустили несколько поездов. Уехать не было никакой возможности: едва схлынет одна волна пассажиров, как появляется другая. Отправление одного поезда не уменьшало толпу на перроне. Уехать не было никакой надежды. Но спасение пришло с той стороны, с которой и ожидать его было никак нельзя. Мне уже хотелось спать, дремалось. Вдруг я в толпе увидел знакомый шнурок от пистолета. Сон мгновенно улетучился. Я щукой нырнул в толпу, вцепился рукой в шнурок и закричал: "Дядя, ты военный и мой папа военный, мама в положении (что значит "Быть в положении", я не знал, но видел, что маме места уступали и заботились о ней пассажиры). Мы уехать не можем!" Военный, которого я схватил за шнурок, оказался чекистом, обслуживавшим станцию. Он проверил документы у мамы и посадил нас в поезд, стоявший еще в депо,

готовившийся к посадке пассажиров.

Когда я снова пришел в магазин, Шнейдер меня мимоходом спросил: "А вы откуда сюда приехали?" Ответить надо было быстро. Когда мы уезжали из Калинина, нас, членов семей офицеров штаба военного округа, собрали в окружном доме Красной Армии и сказали, что в Риге мы не должны говорить, что приехали из Калинина, тем более, называть штаб Калининского военного округа, с которым мы приехали. Рекомендовали нам называть любой другой город, в котором мы раньше бывали. Я заранее не готовился отвечать на этот вопрос. Но сообразил, что сказать: "Мы сюда приехали из Ржева со 142-м стрелковым полком". Едва услышав мой ответ, Шнейдер сразу же перевел разговор на другую тему. Я нарочно назвал 142-й полк: накануне к нам приезжал один знакомый командир из 142-го полка. Он рассказал, что полк вернулся во Ржев с финского фронта с большими потерями. Упомянуть о 142-м полку мне никто не поручал. Поэтому я не стал рассказывать Бабенко о разговоре. Такую инициативу он вряд ли одобрил бы.

Прошло несколько дней. Я опять купил у Шнейдера несколько марок. Расплатился. Но Шнейдер вдруг сказал: "Ви есть меня обмануль!" Я удивился и показал ему купленные марки. Но он отмахнулся от них: "142 полк есть Ржев!" И опять, как на станции Никитовка, пришлось в доли секунды принимать решение: "Герр Шнейдер! — сказал я. — Вы военный! Но Вы морской военный. В сухопутных делах Вы понимаете мало! Если Вашей подводной лодке прикажут перебазироваться из Куксгафена в Вильгельмсгафен, вы ее переведете всю целиком. Корму или нос не оставите на месте. А у сухопутных войск не так. Во время войны или в момент подготовки войны в пехотных полках 3-х батальонного состава формируются 4-е батальона. Они готовят пополнения для полка, который уходит на фронт либо развертывается на границе против будущего противника. 4-е батальона остаются в казармах полка. В случае гибели полка, если сохранилось знамя, 4-й батальон развертывается в полк с прежним названием".

Шнейдер, выслушав меня, весь засиял, но сразу перевел разговор на другую тему. Во Ржеве в одних казармах со 142-м полком располагался еще один полк, который назывался "Отдельный батальон Французова", как его называли по фамилии его командира. Он-то и мог сойти за 4-й батальон.

Дома я рассказал Бабенко о двух разговорах со Шнейдером, ничего не утаивая. Бабенко подумал и сказал: "Да, это шпионаж. Что Шнейдер им занимается, мы знали давно. Поэтому ты больше к нему не ходи!" И я ответил: "Герр Шнейдер умный человек. Он будет за нас! Я его уговорю!" Бабенко сказал: "Да ты хоть знаешь ли, кто он на самом деле? Ты не знаешь, какие люди на нем зубы себе обломали и даже погибли. Ни тебе с ним не справиться, ни кому другому! Такие высокие люди на вербовку не идут!" Я сказал: "А Тухачевский"? Но Бабенко со мной спорить не стал, просто потребовал прекратить свидания. Но в магазин я ходил до самого приезда папы в конце декабря. Бабенко папе рассказал обо всем. Папа отобрал у меня коллекцию. Но в магазин я все равно ходил. Я занимался в

стрелковом кружке, приходилось ходить мимо магазина. Ну, как можно пройти мимо?

В это время мама рассказала мне, что ее предок Баврин был шведом латышского происхождения. Он перешел на русскую службу. И вот Шнейдер мне вдруг сказал: "Ви знает, что ваш предок швед"? "Да"! — сказал я. "Ви человек Запада! Ви наш человек! Вам незатчем бить с русскими. Они не есть ваши"!

Я же стал ему доказывать, что он на старости лет не обеспечен в Германии хорошей пенсией и вынужден будет продавать мальчишкам марки. И я показал ему, как он трясущейся от старости рукой продает мальчишкам монеты. "И это-то с Вашими заслугами! А у нас Вы будете получать хорошую пенсию, будете иметь хорошую квартиру. Торговать не будете, а станете писать свои воспоминания". Шнейдер расстроился, растерялся и не нашел, что ответить. Немного подумал и сказал, что я прав.

Когда я рассказал папе об этом, он мне сказал: "Зайди к нему и расскажи о всеобщем обязательном образовании, бесплатном медицинском обслуживании в нашей стране. Расскажи о Днепрогэсе, Беломорско-Балтийском канале, о лучшем в мире московском метро. О том, как ты летом отдыхал в пионерском лагере". Я так и сделал. Шнейдер слушал меня внимательно. Он почти ничего об этом не знал. 2 февраля 1941 года произошло событие, которое едва не прекратило мою дальнейшую работу со Шнейдером. С осени я занимался в школьном стрелковом кружке. Руководил им выдающийся стрелок, старший лейтенант (в то время) Шишоплин. В 1948 году он был чемпионом СССР по стрельбе из армейской винтовки, подполковником. Был в мире воскресеень. Отец был в командировке. Утром надо было идти в тир. Все наши спали. Я после субботней ванны сдал носки в стирку. Чтобы не будить родных, я, с вечера не побеспокоившись о чистых носках, не стал искать и выбирать, схватил первые попавшиеся носки. Они оказались рваными. Я их надел, обул ботинки с галошами. Обулся явно не по сезону, но мы еще не привыкли к теплым зимам и не знали, что надо носить меховые сапоги. На улице свирепствовала метель. Я обморозил щеки, нос, пальцы на руках. Надо было бы вернуться. Но я не привык отступать. Пошел дальше, на ходу оттирая щеки и пальцы на руках. Оттер. Но почувствовал, что отморозил и ступни. Решил идти в тир. Надеялся там оттереть ноги. Но оказалось, что вместо Шишоплина стрельбы проводила жена одного из офицеров, чемпионка округа. Чтобы оттереть ступни, надо разуться. Но для этого надо было показать свои рваные носки. Стыдно! Пришлось терпеть до дома. Отстрелял упрямство. Решил бежать всю дорогу до дома, чтобы разогреть весь организм и ноги тоже. Первый раз в жизни пробежал 5 км. Но когда прибежал домой, оказалось, что хотя я сам был потный и красный как рак, ступни были белые и бесчувственные. Отец только что приехал из командировки. Это и спасло мне ноги. Он вызвал врачей из военного госпиталя и пригласил соседей из нашего дома (в том числе и гинеколога). Ноги шесть часов папа и мама оттирали в струе воды из-под крана. Ничего не помогло. Де-

журный хирург из госпиталя сказал, что если ноги не отойдут, может начаться газовая гангрена. Тогда надо будет срочно везти меня в госпиталь и ампутировать ступни. Если упустить время, то гангрена пойдет дальше и ампутировать придется выше. Ночью я проснулся от нестерпимой боли. Отец не спал. Разбинтовал мне ноги. Ступни опухли и почернели. Это была гангрена. Ноги мне папа забинтовал. Пошел звонить и вызывать скорую помощь и санитаров. Я лег. Решение, как спасти ноги, пришло само. Применил метод самогипноза. Когда приехали санитары, ноги у меня были уже красными. Гангрена прошла. Поездку на ампутацию отменили. Десять дней я провалялся в постели. А по школе выздоравливаю. Как мне ампутировали ноги. На вопрос Шнейдера, почему меня не видно в магазине, кто-то из одноклассников ему сказал, что у меня больше нет ног. И произошло то, что недопустимо для разведчиков: Шнейдер пришел к нам домой. Познакомился с мамой и спросил, как здоровье ампутированного. Когда узнал, что ноги у меня целы, но их надо лечить, он предложил из Германии выписать для меня любое лекарство, пригласить врачей. Мама вежливо его поблагодарила и сказала, что я выздоравливаю. Как только я пошел в школу, одноклассники передали мне привет от Шнейдера. Но в марте в нашей квартире появилась новая семья — Рыбиных. Майор Рыбин носил артиллерийские эмблемы. У него было трое детей: дочь Валентина 1923 года, сыновья Лев 1925 года и Эдуард 1928 года рождения. Учились они плохо. Несмотря на мою помощь, мой одноклассник Эдик остался во второй год. Видимо, мне на руду написано — заниматься с детьми разведчиков: Васильевым, Бабенко, Рыбиным. Приехали они с Дальнего Востока. Эдик рассказал мне, что они жили в районе Черной Речки, где японцы применили бактериологическое оружие — холеру. Видимо, поэтому их мама боялась инфекции: белье стирала и кипятила трижды, пять раз. Во время войны она жаловалась, что из-за нехватки мыла она может стирать только трижды. Тапочки вся семья обувала не только при входе в квартиру с улицы, но и меняла при входе из прихожей в жилые комнаты. Едва Рыбины вселились в квартиру, как отец и Рыбин (имя и отчество у него русские, но я их не запомнил, кажется, Павел), предварительно выслав детей Рыбина из квартиры, попросили меня подробно рассказать обо всех моих разговорах со Шнейдером. В последующие вечера мы с моим братом и младшими Рыбиными слушали, как Рыбин читал из "Нового мира" повесть Льва Овалова о майоре Пронине. Рыбин нам сказал, что повесть написана про него его сотрудником — военврачом 3 ранга Шаповаловым. Повесть выходила с продолжениями. Мы с нетерпением ждали выхода очередного номера журнала с продолжением. Папа вскоре сказал мне, чтобы я обо всем, что я узнаю у Шнейдера, рассказывал Рыбину и подчинялся во всем ему. Я рассказал Рыбину, что хочу сделать Шнейдера советским. Он, Шнейдер, умный и будет нашим. Рыбин меня спросил, а если Шнейдер не захочет, то его можно будет только выслать в Германию. Я сказал, что лучше убью Шнейдера, чем выпущу за рубеж. Рыбин спросил, а как я собираюсь убивать. Я ответил,

что утащу пистолет отца и буду стрелять из него. Рыбин рассмеялся. Он сказал, что у папы слабый пистолет Коровина калибра 6,35 мм. У него нередко пули при выстреле застревают в стволе. (Откуда он узнал, что моя первая стрельба из Коровина дала такой результат: из ствола вышла первая пуля, а две другие застряли в стволе!) "Из Коровина и мухи не убьешь"! — сказал Рыбин.

На следующий день Рыбин принес вместо ТТ немецкий "Вальтер" калибра 7,65 мм выпуска 1938 года. Он сказал мне, что такой пистолет более пригоден для покушений.

Мы с его сыновьями потренировались пользоваться пистолетом только один раз. Потом Рыбин тренировал одного меня. По секундомеру он следил, как быстро я извлеку из своего кармана оружие и смогу выстрелить. Занимались дважды в день: в обед и перед ужином. Когда я хорошо освоил "Вальтер", Рыбин мне сказал, в присутствии моего папы, что пистолет у нас не числится. Он зарегистрирован в Германии на одном из лидеров их разведки. Весь смысл покушения состоит в том, что после покушения оружие должно попасть в руки немцев. Убить Шнейдера можно поручить и милиционеру. Но тогда немцы поднимут дипломатический скандал. Если же стрелять буду я, то я не должен живым попасть в руки охранников Шнейдера. Тогда немцы узнают, у кого я взял оружие. После покушения меня должны убить наши милиционеры. Мы передадим немцам оружие. Но я спросил, если я буду убит, как немцы узнают, что я получил оружие у немецкого лидера разведки. Ведь я в Германии не был, лидера никогда не видел. Рыбин мне объяснил, что один человек, которого я хорошо знаю, живет в СССР. Я с ним часто вижусь. И не знаю, что он крупный шпион. После моей смерти наши арестуют его как организатора покушения. Мы его передадим немцам, а там эсэсовцы выбьют из него признание в том, что он дал оружие мне. Тогда получится, что одна немецкая служба убила Шнейдера, лидера другой службы. В первую голову слетит голова у самого лидера, якобы передавшего оружие мне. Потом слетят головы у многих немецких разведчиков. А нам это выгодно. Я стал теперь с нетерпением ждать, когда же мне поручат стрелять. О том, что покушение действительно готовилось, рассказал мне в 1972 году мой брат-чекист Юрий.

Вечером 9 марта 1941 года произошел случай, о котором я скромно умолчал, не сказав ничего ни папе, ни Рыбину, ни Бабенко. Я зашел в магазин Шнейдера. Возле прилавка стояли трое рослых мужчин в длинных кожаных пальто. Они листали марочные альбомы, делая вид, что выбирают марки. Я поздоровался со Шнейдером. В этот момент к магазину подъехал мотоцикл. С него соскочил молодой парень в короткой кожаной куртке, шлеме и очках. Войдя в магазин, отсалютовал конвертом (совсем как в кино "Суворов"), и вручил ему конверт, называя его при этом "эксцеленс" — превосходительство. Получив разрешение уйти, он выскок из магазина и уехал. Разговор шел по-немецки.

Я подумал, что сейчас ездить на мотоцикле не по сезону. Да и салютовать конвертом могут военные. Едва я понял это, как накрыл рукой кон-

верт, оставленный мотоциклистом и положенный Шнейдером на прилавок. Я обернулся к мужчинам у прилавка и сказал: "Граждане честные латыши! Смотрите, как этот немецкий шпион получает свои шпионские сведения от своего шпиона! Давайте отведем его в здание республиканской безопасности через дорогу. Герр Шнейдер! Покажите мне при свидетелях, что у Вас в конверте?" "Честные латыши" во время разговора спокойно стояли по стойке "смирно" и смотрели прямо перед собой. "Ну и выправка! — восхитился я. — Хорошо же готовят в латышской армии солдат! Какая строевая выправка!" Шнейдер сказал: " В конверте 300 марок Сенегала". Он взял у меня конверт и вытряхнул его содержимое на прилавок, дал мне лупу и пинцет. В конверте и правда были марки Сенегала. "Да, это марки Сенегала! Но почему вы их не пересчитали?" — спросил я. "Я ему доверяю", — последовал ответ. "А почему вы ему не заплатили?" — "Я ему был должен!" Это меня крайне удивило: Шнейдер всегда с немецкой аккуратностью пересчитывал каждую копейку, каждую почтовую марку. Пришлось марки вернуть владельцу. Но Шнейдер спросил меня, зачем я пришел в магазин. Я купил, что хотел, попрощался и ушел из магазина.

Только в 1972 году я от брата Юрия узнал, что я 9 марта попал на совещание начальников штабов войск СС Литвы, Латвии и Эстонии. Их я и называл "честными латышами". А получали они зашифрованные инструкции на случай войны. От Юрия я узнал, что с помощью почтовых гашеных марок очень легко передавать шифрованные сообщения: в штемпель гашения клеивается микрофильм с сообщением. Его можно найти, лишь рассматривая марку в микроскоп. Если не знать, в какой именно марке искать микрофильм, то можно было до самого конца войны искать эти инструкции.

Шнейдер в своих мемуарах, как мне сказал Юрий, сообщил, что на эссовских лидеров этот случай произвел тягостное впечатление: они поняли, какого упорного врага они встретили в лице СССР. За мое "вторжение" в магазин и за мою речь немецкая разведка должна была меня убить. Но, видимо, сработал "эффект гадюки". Зато подготовка покушения на Шнейдера шла полным ходом. В конце марта Рыбин и папа решили через меня подбросить Шнейдеру дезинформацию.

Положительный опыт со 142 стрелковым полком показал, что Шнейдер мне доверяет. Для этого Рыбин, папа и я собрались в квартире Рыбина. Сначала Рыбин рассказал мне, что существует способ передать врагу нужные нам сведения. Для этого рассказывают какому-либо болтуну какое-либо вранье. Но при этом говорят, что это важная военная тайна. Болтун не утерпит и проболтает то, что нужно нашим, чтобы попало в руки врага.

Папа и Рыбин по очереди рассказывали мне о новейших советских орудиях: о пушках 76 мм калибра обр. 1936 и 1939 годов, о гаубице в 305 мм обр. 1934 года. Папа рассказал даже, как гаубицу испытывали. Затем Рыбин рассказал о гаубице в 203 мм на шасси танка Т-34. Папа и Рыбин наперебой убеждали меня запомнить название танка как совершенно

секретного, но никому не говорить о нем. Если бы мне поручили все это рассказать Шнейдеру, я бы это сделал. Откуда мне было знать, что все орудия, ими перечисленные, были уже рассекречены в Финляндии, а самоходка в 203 мм вообще не существовала. Надо было плохое впечатление, спожившееся у немцев от парада старья 7 ноября, сгладить. Я так и не рассказал Шнейдеру то, что мне пытались поручить так неумело!

1 мая 1941 года мы с папой и женой и сыном Бабенко ходили на парад и демонстрацию. Такой организованности, такого энтузиазма, такой любви к Красной Армии мне не приходилось никогда видеть. На параде хотя и были показаны орудия на конной тяге, но это были не гаубицы 1895 года, а полковые орудия обр. 1927 года. А когда ездящие артиллеристы галопом промчались по площади под звуки "венгерки", зрители дружно зааплодировали. Но главным было то, что по площади были провезены несамходные гаубицы в 203 мм на гусеничном ходу на буксире тракторов "Коммунар", то, что по площади прошли несколько рот минометчиков, несших за спиной разобранные 82 мм минометы. Подполковник Бабенко шел во главе колонны офицеров штаба округа. Как прекрасно вел свою колонну этот внук графа Павловского! Рослый красавец с отличной строевой выправкой.

2 мая мы собрались в квартире Бабенко. Бабенко и папа заперлись у него в кабинете. Жена Бабенко забеспокоилась: пора садиться за стол, а мужчины все разговаривают. Сама она не решилась войти в кабинет и послала меня. Я постучал. Бабенко разрешил мне войти. Мужчины о чем-то оживленно спорили. Бабенко сказал мне: "Проходи, послушай, какой у тебя папа". И, обращаясь к папе, сказал: "Иван Иванович! Я вас считал культурным, гуманным человеком. Но я не могу поверить словам члена военного совета, сказанным мне 30 апреля. Неужели Вы расстреливали из пулемета тонущих людей?"

Папа жестко сказал: "Николай Александрович! Я все сделал правильно! Садитесь и слушайте. В ближайшее время начнется война с Германией. Немцы ее провоцируют. В сентябре 1940 года они ввели 5 своих кораблей с десантом в территориальные воды Эстонии и уже спускали шлюпки с десантом. Я приехал в эстонский дивизион береговой обороны. Там я и увидел высадку десанта немцами. У эстонских артиллеристов все было готово к открытию огня. Майор, командир дивизиона ждал только команды. Папа спросил: "Почему не стреляете"? Майор сказал: "Мы маленькая страна. Немцы приплывали и говорили, что плывут в Финляндию. На Балтике шторм. Они здесь в наших водах укрылись, и сейчас грузят десантников для забора пресной воды". "А что они, по-вашему, делают"? — спросил папа. "Высаживают десант", — последовал ответ. "Что вы должны делать"? "Стрелять"! — ответил майор. "Огонь"! — командовал папа. И ударили по кораблям 120 мм пушки Канэ эстонского дивизиона. Только после этого папа связался со штабом округа и сообщил, что немцы высаживают десант и открыли огонь. Пришел приказ: огонь открыть и держаться — помощь придет. Помощь пришла: налетела наша морская

авиация. Совместно авиация и эстонские артиллеристы потопили один корабль, другие с повреждениями ушли в море. Немцы, погрузившиеся в шлюпки, поплыли к берегу. Но не доплыли: их расстреляли эстонские зенитные спаренные 20 мм автоматы французского производства. Тех же немцев, что пытались добраться до берега вплавь, отец расстрелял из эстонского пулемета немецкого производства "Максим" Г-08. Всего погибло 1200 фашистов. Ни одного нельзя было пустить на наш берег. Иначе был бы международный скандал, повод для войны.

"Но немцы наши союзники", — сказал Бабенко. "Немцы наши враги! — ответил папа. — И Вы, Николай Александрович, должны это знать! А теперь пойдемте к нашим дамам"! Когда папа после боя вернулся в Ригу, его послали на курорт на случай, если немцы будут требовать его выдачи.

Утром 3 мая я пришел в магазин Шнейдера и снова завел с ним разговор о преимуществах нашего строя. Но он был сильно расстроен: "Что вы делаете? Вы ест объявили: магазин, котори даваит доход 20000 рубли год, будет национализирован. Фот газета"! — сказал Шнейдер. "За себя вы можете еще долго быть спокойным. Ваш магазин столько не дает", — сказал я. "Но мой сосед, почтени немец 67 лет, вчера повесился в свой магазин за углом. Он ест мой сосед. Он имел мебельни магазин. Повесился в витрина! А он германски поддани"! "Грязная работа"! — сказал я. "Что ест грязная работа"? — спросил Шнейдер. Я ответил: "Когда люди вешаются, они выбирают укромные места: чердаки, подвалы, уборные. А ваши ребята, когда старика вешали, витрину газетками завесили или свет во всем квартале вырубили? Ведь убийство немца нужно вам как предлог для вмешательства к нам немецких войск. Японцы в 1918 году сами убили своих граждан во Владивостоке, чтобы вмешаться в нашу страну. Герр Шнейдер! Вы накажите ваших ребят за такое неприкрытое убийство"! Шнейдер сказал: "Ви прави. Я их накажу"!

Почувствовав, что Шнейдер сегодня разговорчив и сможет рассказать еще многое, я ему сказал: "Удобное место вы выбрали для своего магазина. Напротив расположено здание республиканской госбезопасности. Вы смотрите из окна, кто ходит доносить на ваших буржуев". Он сказал, что наблюдает и даже фотографирует. Но при латышах здесь была гостиница и следить было не за кем. Но я подумал: почему он сегодня как никогда откровенен? И меня осенило: он сейчас и не такое скажет, если завтра начнется война. Что бы он ни сказал, ему и Германии это уже не повредит. Надо вести разговор дальше. И я сказал: "Ваш магазин находится в важнейшем стратегическом центре Риги. Рядом с вашим магазином церковь святой Гертруды. На ней можно поставить два пулемета и можно простреливать шесть улиц: Вальдемараса, Бривибас, Терботас (поперек), Гертрудинскую, Красной Армии, Церковную (вдоль)". Шнейдер не поверил. Он, как был, в синем рабочем халате, не заперев магазин, пошел со мной на площадь к церкви. Он вытащил из кармана записную книжку и авторучку и стал чертить план площади. Оказалось, что он не знает военной топографии. Пришлось помочь ему обозначить станковые пулеметы (их 3). Приго-

диглись мои походы на выставку в Калинин (кстати, она теперь работала в Риге, в доме Красной Армии). Я все сделал вполне добросовестно, кроме одного: не показал моряку, как организовать перекрестный огонь. Для этого надо было поставить хотя бы еще один пулемет в доме с рыцарем на фасаде. Я пояснил Шнейдеру, что под огнем с колокольни окажутся и дом госбезопасности, и казармы полка НКВД. Когда мы возвращались, сердце неистово колотилось в груди: наконец-то начинается война. За все залплатят сполна и Гитлер, и Муссолини, и Франко: и за выколотые глаза республиканского солдата, и за разрушенные испанские города, и за концлагеря в Германии. Но я притворно глубоко вздохнул пару раз и печальным голосом сказал: "Значит, это скоро начнется?" Отвечая мне и своим мыслям, Шнейдер сказал: "Да, в одну из ближайших ночей!" О том, что война вот-вот начнется, я узнал еще вчера из разговора папы с Бабенко: не таков Гитлер, чтобы простить нам потопленный немецкий корабль и 1200 своих вояк. Об этом знала вся Рига: и местные латышские мальчишки, и старые латышские стрелки, и приезжие москвичи прямо на улицах пели песню:

Подруга Мэри!
Шей свой свадебный наряд!
Только в море,
Только в море,
Счастлив может, счастлив может
Быть моряк!

Я спросил сына нашего дипломата-москвича, а почему он поет эту песню? Он ответил, что эта песня была модной в 1914 году и ее пели, идя в армию против немцев, латышские стрелки. Теперь снова начинается война с немцами и латышские стрелки-ветераны шьют себе синюю форму, готовятся к боям и снова поют свою песню!

Я спросил мальчика, а почему он думает, что скоро будет война? Он показал мне на безоблачное небо, в котором оставял инверсионный след высоко летящий самолет. "Папа говорит, что это немецкий разведчик Юнкерс-86. Разведку ведут либо во время войны, либо перед самым ее началом", — ответил мальчик и продолжил песню.

Но сейчас мы шли к магазину, и мне надо было решить, как себя вести. Я вспомнил, как на уроке читал в книге "Бои в Финляндии", как наш разведчик проник в финский тыл и обнаружил финский дот. Надо было любой ценой передать нашим, что он разведал. Он полз и думал: "Только бы дойти"! Но чтобы не насторожить Шнейдера (а он был способен на все, если уж безвредного буржюя-соседа, брата по крови и классу, повесил, то меня, не немца, не буржюя, несущего опасную для него весть, он может, опомнившись, либо убить, либо схватить руками своих людей, спрятать в каком-нибудь подвале, как делали они в 1940 году в Каунасе), я в магазине задержался дольше обычного. Рассматривал каталоги монет. Я и всегда хожу медленно, а сейчас не шел, а плелся. Плелся и думал: "Только бы дойти"! И дошел!

Все рассказал Рыбину и папе. Утром Рыбин мне сказал, что немцы поторопились поставить на колокольню пулеметы, но их взяли с поличным. Пулеметы они устанавливали прямо против окон здания республиканской госбезопасности. Но дальше произошло то, о чем я и не думал, давая Шнейдеру установить пулеметы на колокольне против здания НКГБ. В Ригу вошли два полка НКВД. В синих фуражках они ходили по улицам под духовой оркестр, игравший марш тореадора из оперы Бизе "Кармен".

Вот когда я увидел в действии рабочих гвардейцев Латвии: в синих сатиновых гимнастерках и галифе, в фуражках с лакированными козырьками, в хромовых сапогах, с винтовками маузера (как в квартире Колесникова), они оцепляли квартал за кварталом, "прочесывали" дом за домом. Иногда им помогали бойцы из полков НКВД. И наш дом подвергся прочесыванию: у входа в подъезд остановился военный грузовик ЗИС-5 с рабочегвардейцами и энкеведешниками. Никого не выпускали. Затем по квартирам пошли патрули. В нашу квартиру вошли три рабочегвардейца и два энкеведешника. Рабочегвардейцы с винтовками в руках обошли все комнаты, кладовки, туалеты. У всех (кроме детей) проверили документы. К этому надо добавить, что маму, учительницу-коммунистку, мобилизовали, и она несколько дней не ночевала дома: в райкоме партии она проводила первичный опрос задержанных рабочегвардейцами жителей: немцев, латышей, русских, поляков. Задерживали всех, у кого находили современное огнестрельное оружие. Отобрано было 23000 такого оружия. Задержано 20000 владельцев оружия. Многие были высланы. Я разговаривал 1 декабря 1985 года в окружном Доме офицеров в Риге с мужчиной, мужем вахтерши. Он почти мой ровесник. Его отца именно в те дни перед войной арестовали и с семьей вывезли в Куйбышев. Их, семей, было около 1000. Поселили во вновь построенных домах. Снабдили на зиму теплой одеждой и обувью. На 4-х комната в 28 кв. м. (все удобства, кроме газа). Устроили родителей на авиационный завод. Войну прожили безбедно. А отец у него был фашистским боевиком — айзсаргом. Такая же работа по обезвреживанию фашистской агентуры была проделана и в других городах Прибалтики. Удалось предотвратить фашистские перевороты во всех республиках Прибалтики.

Но немецкие происки в Прибалтике на этом не закончились. Спустя несколько дней папа взял меня и брата-первоклассника в рижский порт. У набережного причала стояли три или четыре немецких корабля. Единственный в порту плавучий кран выгружал контейнеры с надписью "18 тонн. Машиноимпорт". Папа сказал мне, что немцы выгружают легкие танки Т-3, в 18 тонн, а экипажи уже доставлены. Папа знал, что выгружают немцы. В эту же ночь наши танки атаковали немецкие корабли и захватили их. Пришлось применить башенные орудия. Трупы немецких моряков сбросили в Даугаву, кровь смыли с палуб, выгрузили недодвинувшие танки, заваривали автогенном пробоем в кораблях, а их выдворили из Риги. Выгружали же их немцы на набережной недалеко от здания штаба округа. Я спросил папу: "А где экипажи танков"? Он сказал: "Экипажи уже доставлены"! Их

тоже захватили в городе. Папа в ночь захвата немецких кораблей с танками дома не ночевал, а участвовал в операции.

Об этом весьма скромненько пишет И.И. Майский в книге "Записки советского посла". В ней говорится, что в середине июня 1941 года из рижского порта бежало несколько немецких кораблей, не закончив погрузку.

После этих операций Рыбин запретил мне ходить к Шнейдеру. Его сыновья не давали мне самостоятельно за ворота дома выйти. Меня они проводили в антикварный магазин на набережной Даугавы, 2. В 1980 году Лев Шаповалов рассказал мне, что хозяином магазина был резидент советской разведки.

Но мне удалось как-то ускользнуть от бдительного контроля братьев Рыбиных. Я пришел в магазин Шнейдера. Он был не в духе. В магазине была и его жена. Маленькая, худенькая женщина. Она мне сказала, что из-за меня на днях погиб их единственный сын. Она сказала мне, что он удивительно похож на меня. У них больше детей нет. Они решили меня усыновить. Просят моего согласия. Я вежливо не согласился. Но Шнейдер, видимо, считал меня своим сыном. Он начал обучать меня нелегкому искусству разведчика. Как-то он спросил, что я хотел бы купить в его магазине. Я сказал, что хочу шпагу своего шведского предка. Я имел в виду стальную шпагу с таким же эфесом. Но он схватился за голову и сказал, что двадцать магазинов, таких, как у него, не хватит, чтобы ее купить. Видимо, он имел в виду шпагу Р.Х. Баура с эфесом и ножами, усыпанными бриллиантами. Она была дана за взятие Риги.

Было 26 июня 1941 года. Я еще надеялся, что мы будем следующий учебный год встречать в Берлине, как нам обещала директриса нашей школы 14 июня на выпускном вечере 10-х классов, который проходил в Окружном доме Красной Армии. Но мы готовились к эвакуации. Я считал, что нас спасают от немецкой авиации, а не от оккупации. Мама послала меня в магазин на ул. Бривибас купить себе осеннее пальто. Его мы выбрали еще за три дня до этого. Но мама заставила меня надеть пять комплектов нижнего белья и пять пар носок. Я купил пальто, хотя по дороге попал под воздушный налет. На пути домой забежал к Шнейдеру. Он спросил меня, знаю ли я положение на фронте. Он ошарашил меня сообщением о том, что немцы подходят к Риге. Я ему сказал, что мы будем отходить до самой зимы и до самой Москвы, а потом, заманив немцев, разгромим их. Шнейдер предложил мне остаться в Риге. Обещал меня вывезти в Швейцарию на учебу. Я отказался, вернулся домой и поехал в эвакуацию. В 1971 году, во время работы международного конгресса историков науки в Москве, меня разыскал внук Шнейдера Иво. Он передал привет от деда и рассказал, что дед перешел в Риге на нашу сторону и всю войну работал на советскую разведку, находясь в тылу фашистов. За Ригу получил орден Ленина, в конце войны — другой. Жили они уже в Мюнхене. Иво был редактором международного журнала, выходившего в Мюнхене. Дед же — генерал-лейтенант. В 1983 году кинорежиссер М. Н. Айзенберг предложил мне снять фильм о том, о чем я пишу сейчас. От не-

го я только тогда узнал, что меня завербованный нами Шнейдер хотел оставить в Риге, чтобы использовать в тылу врага. Это делалось с согласия моих папы и мамы. Вот зачем на меня надели пять гарнитуров. Видимо, остаться я в Риге, и был бы и мой сон о затоплении берлинского метро дважды в руку: попал бы и я туда.

Когда мне было четыре года, я первый раз попал на родину папы. Но уже до этого я тосковал о какой-то другой земле, отличной от земли Подмосковья. Я знал, что это родина папы. О ней я знал из немногочисленных рассказов родни. Но приволье казачьих степей для меня связывалось с каменным углем, который добывался в их недрах. Я обожал запах каменноугольного дыма, и первая же моя поездка на родину папы потрясла меня. Я, наконец, успокоился, почувствовал себя на своем месте, у себя дома. Мне не хотелось уезжать оттуда. Когда вернулись во Ржев, я тосковал, плакал по ночам и грыз подушку, чтобы не реветь в голос. Папа это заметил и рассказал мне историю, прочитанную им в детстве. Семье опального боярина во времена Ивана Грозного пришлось бежать за границу от расправы царя. Опричники ее настигли. Но главе семьи и ее охранникам удалось прорваться. Сын боярина, пятилетний мальчик, запомнил снег, на который пролилась злая кровь опричников, метель, заметающую дороги. Боярин с семьей поселился в Италии. Но мальчик тосковал по русским метелям. Прошли года, подрос мальчик, умер Грозный. Семья возвращается на родину. Но мальчик едет не один. С ним едет невеста. Жених сгорает от нетерпения увидеть родные снега. Но невеста предостерегает от чрезмерной радости: он уже привык к Италии и дома будет скучать по лаврам и виноградникам Италии. Папа сказал мне, что и я буду всю жизнь мучаться так, как сын боярина: во Ржеве скучать по донским степям, а в степях тосковать по лесам Подмосковья.

Но в Риге я почувствовал себя так же хорошо, как в донецких степях. И хотя я жил в Риге всего девять месяцев, но я сумел на родной земле оставить монументальный след. Рисование у нас преподавал выпускник Академии художеств, художник фарфорового завода. Он задал нам на дом задание: расписать фарфоровую тарелку. Я расписал: на дне тарелки нарисовал рыбацкую сеть с несколькими рыбками, а поля тарелки расписал как спасательный круг. Вверху одна рыбка, внизу другая, плывущая ей навстречу. Слева и справа по кругу два кривых меча. Дно желто-зеленое. За работу получил отлично. В 1949 году я видел рижскую тарелку моей росписи. Только мечи были заменены рыбами, плывущими навстречу друг другу. Много лет спустя я узнал, что я в марте месяце расписал изделие согласно гороскопу: символом созвездия Рыб, в котором Солнце бывает с 19 февраля по 20 марта.